

«Стали строиться, раскопали — а там сложены трупы, сапоги, косточки — и всё рядами, рядами»

Государство обещало поставить мемориалы на сталинских полигонах массовых казней, но в итоге полигоны и рвы застроило. О красноярской гекатомбе

Семейство Титовых-Фараоновых в Енисейске. Фото: архив Красноярского Мемориала

12:42, 11 сентября 2024,

Алексей Тарасов

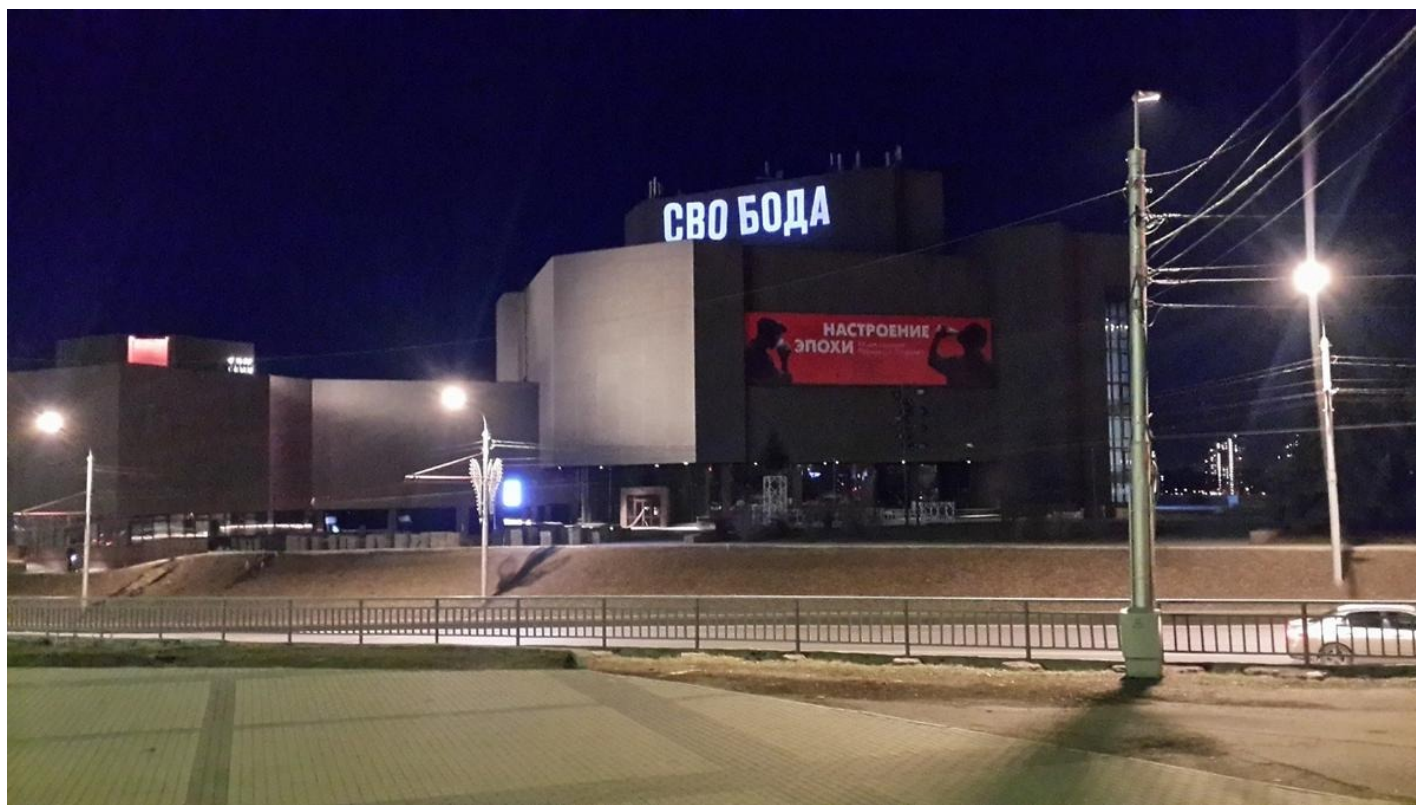
обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В некоторые прошлые годы 30 октября, сменяя друг друга, красноярцы читали на берегу Енисея в белое небо имена расстрелянных земляков. Каждому пришедшему выдавали лист с краткой информацией о четырех убитых: рабочие, матросы, шорники, попы, колхозники, сапожники... Потом ты мог добавить кого-то из своих. То же происходило во многих больших и небольших городах. Теперь возвращение имен перестало вписываться в ландшафт. 30 октября 2023-го музейный центр «Площадь мира» (все главные акции памяти жертв массовых политрепрессий прежде проходили в нем и рядом с ним) вдруг закрыли: поступило сообщение о минировании здания. За три дня до этого собрание с концертом по этому же поводу планировали во Дворце Труда — внезапно и до следующего утра отключилось электричество.

Оба мероприятия курировали краевые министерства — культуры и социальной политики, на это выделялись бюджетные деньги. Региональная специфика: здесь и во власти работают потомки репрессированных, сосланных, замученных, они здесь всюду работают. И к «Площади мира» привезли венок от краевой администрации. Тем не менее.

Красноярск, музейный центр Площадь Мира. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Ничего о поиске и уж тем более поимке экстремистов, сорвавших памятный ритуал, не сообщалось.

Почему-то нет сомнений, что и в это 30 октября не позволят возвращать имена и закреплять традицию. Скорее всем этим людям расскажут, что они ошибаются насчет судеб своих бабушек и дедов: массовых политических репрессий не было. Нет, вообще какие-то политические репрессии когда-то по чьей-то вине происходили, но сейчас нам лучше бы сосредоточиться на «развитии безопасного информационного пространства, защите российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В общем, всё, как сказано во внесенных изменениях в «концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». **Прежнюю** концепцию утверждал премьер Медведев в 2015-м, **новую** — Мишустин.

Подробный разбор этих изменений, откровенно демонстрирующих суть современного российского государства

и его устремлений, касающихся не только прошлого, но и будущего, «Новая» уже [опубликовала](#). Поговорим о частностях.

Акция «Возвращение имен», 30 октября, 2017 года, Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Листки с именами, ждущими возвращения, на берегу Енисея всегда раздавал Алексей Бабий, председатель красноярского «Мемориала» (это общество — один из учредителей международного «Мемориала», признанного государством «иноагентом» и ликвидированного). Поэтому заранее иду к нему за своими случайными четверыми. За теми, чьи имена здесь кому-то надо произносить вслух.

Из материалов, предоставленных «Новой» Красноярским [обществом](#) «Мемориал».

Последние снимки

Дубенецкий Григорий Варфоломеевич. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Дубенецкий Григорий Варфоломеевич**

Родился в 1903 г. в Винницкой губ., русский. Проживал в Красноярске. Из крестьян-кулаков, образование — 3 класса начального городского училища. Котельщик котельного цеха Паровозовагоноремонтного завода. Арестован 16 декабря 1937 г. Обвинен по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговорен 27 декабря 1937 г. тройкой УНКВД Красноярского края, расстрелян 30 декабря 1937 г. в Красноярске. Реабилитирован 22 сентября 1962 г. Красноярским крайсудом.

В те же даты был арестован, предъявлено аналогичное обвинение, приговорен к высшей мере и расстрелян его младший брат, Федор Дубенецкий, 1908 г.р., тоже работавший котельщиком на ПВРЗ.

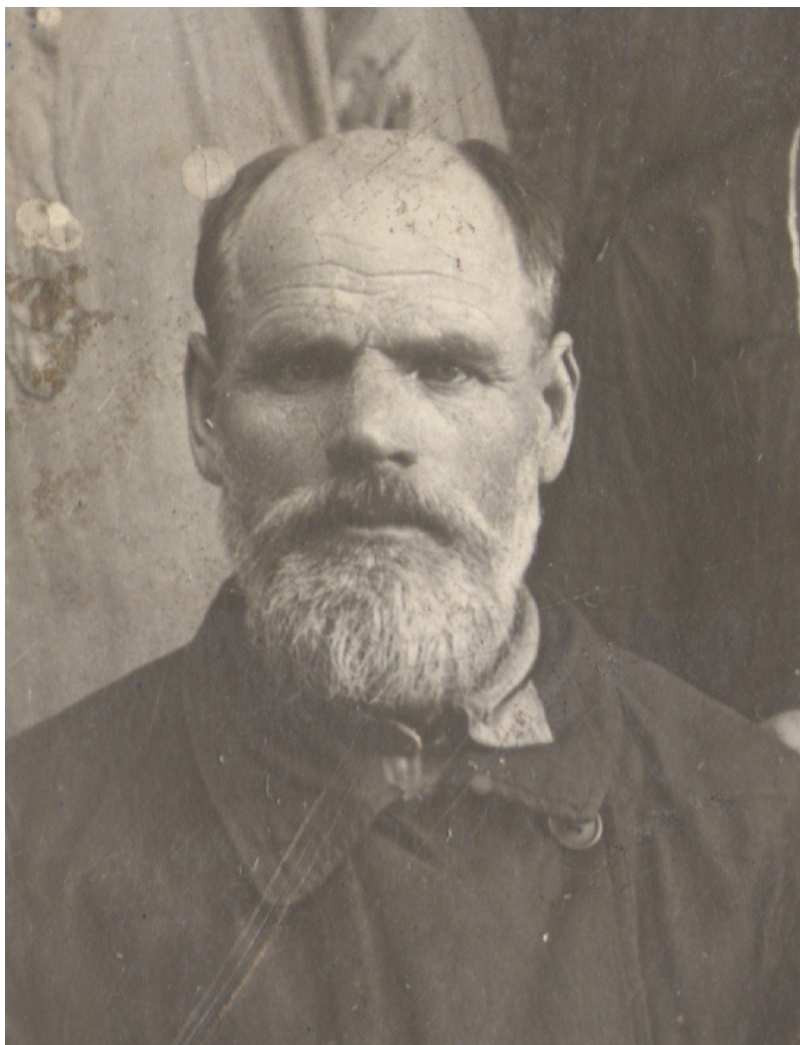

Никитенко Василий Игнатьевич. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Никитенко Василий Игнатьевич**

Родился в 1900 г., служил в железнодорожном полку РККА. Техник-электрик на заводе «Красный пролетарий»

в Москве. Арестован 28 октября 1937 г. Обвинен по ст. 58-10 ч. 1. Осужден 25 марта 1938 г. Московским горсудом на 3 года ИТЛ и 1 год лишения политических прав. Приговор 2 ноября 1940 г. СК ВС СССР за мягкостью отменен, новое расследование. Осужден 3 февраля 1941 г. горсудом на 6 лет ИТЛ и 2 года ИТЛ по тому же обвинению. В Норильлаг 19 мая 1941 г. прибыл челябинским этапом из Бутырской тюрьмы. Работал лаборантом в электроцехе. Арестован 31 августа 1942 г., по делу проходило 6 человек. Приговорен 8 июля 1943 г. Таймырским окрсудом к высшей мере, заменена 25 августа 1943 г. СК ВС СССР на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Замучили во время следствия. 13 января 1944 г. умер в лагере.

Дайнеко Петр Михайлович. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Дайнеко Петр Михайлович**

Родился в 1882 г. в д. Большие Щербиничи Черниговской губ. Русский. Проживал в д. Ивановка Рыбинского района (Красноярский край). Из крестьян-кулаков. Конюх в колхозе «Активист». Арестован 05.05.1938 по делу Дмитриенко Ф.Л. (6 чел.). Обвинен в контрреволюционной агитации. Приговорен 26.05.1938 тройкой УНКВД Красноярского края, расстрелян 29.07.1938 в Канске. Реабилитирован 18.08.1956 Красноярским крайсудом.

Выжившие

А вот судьбы тех, кому повезло, кто уцелел там и тогда, среди льющейся «И никто на свете не умеет / Лучше нас смеяться и любить» (Василий Лебедев-Кумач, «Песня о Родине», 1936 год).

Воробьева Пелагея Яковлевна. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Рассказывает Нина Иннокентьевна Казакова.**

Родители — Воробьева Пелагея Яковлевна, Воробьев Иннокентий Игнатьевич. Жили в Ангарске Иркутской области. Родителей отца раскулачили, а деда расстреляли прямо в ограде, поскольку он оказал

сопротивление. Дом и скот забрали. Чтобы не умереть с голоду, дети собирали мерзлую картошку, и мать пекла лепешки. Отца забрали в 1937 г., когда Нине было 9 месяцев. Он работал кузнецом в колхозе, но его посчитали врагом народа. Увели, ничего не сказав. У отца было 4 брата и 5 сестер, они разбежались, узнав, что будут забирать. Он 17.12.1937 г. осужден тройкой УНКВД по Иркутской области к 10 годам. Мать работала дояркой, огородником в колхозе. У нее было 9 детей, пять умерли.

В школу Нина Казакова три года не ходила, так как обувь было нечего. Потом брат пришел из армии и привез драные сапоги, и она в них стала ходить.

Где отец — не знали, уже в наше время его фамилию случайно нашли знакомые в иркутской газете «Сельская молодежь», где публиковались списки репрессированных по Иркутской области. Узнали, что Иннокентия Воробьева осудили на 10 лет. 13.07.1943 г. он умер от дизентерии в лазарете п. Дземги Комсомольского района Хабаровского края. Мать умерла, так и не узнав, где ее муж.

Эмма Городецкая. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Рассказывает Эмма Яковлевна Городецкая 1922 г.р.,**

жила в с. Гримм Саратовской области. В 1932 г. семью раскулачили: было 3 лошади, 3 коровы, домашняя утварь. Все это забрали. Снимали даже наличники с окон, выворачивали половицы и проверяли, не спрятано ли зерно. 1933 год: всеобщий голод настиг и семью Эммы. «Бабушка-соседка сожгла весь свой дом, даже крышу. Я видела своими глазами, как эта бабушка держала над дымом черную кошку и грызла ее». Эмма и ее брат не могли ходить. «Может, я и сберегу пацана. По зернышку, по корочке», — говорил муж сестры Эммы, забирая с

собой двухлетнего сына, но через две недели Эмма узнала, что мальчик от голода объел свои руки и вскоре умер. В тот же день, узнав о смерти ребенка, мать сошла с ума и умерла. На той же неделе умер от голода 19-летний брат Эммы. Вслед за ним умер и последний 9-летний брат. В 1941 году их депортировали в Сибирь. «Одно было хорошо — в дороге кормили совсем неплохо, но в барже было очень тесно и душно». После их пересадили в поезд до Нижнего Ингаша. Потом везли на барже в Пономарево. Сосланных людей здесь называли фрицами. Эмма работала в рыбацкой бригаде.

- **Рассказывает Пелагея Федоровна Кирьянова (Фарафонова) 1927 г.р.**

Родилась в Липецкой области. Образование — 4 класса, в другие учебные учреждения не принимали как дочь врага народа. Семья: отец — Фарафонов Федор Андреевич, мать — Титова Анна Дмитриевна, брат Михаил, сестры Анастасия, Мария, Александра, Екатерина. Семья имела приусадебное хозяйство, держали овец, корову, лошадь. В 1930 г. семью раскулачили, но не выслали. Когда отбирали имущество, мать была беременной. Ее вытаскивали из дома, она вцепилась в двери и стала кричать: «Что же вы делаете?!» Ребенок родился в сарае. Перебивались у родственников и знакомых, в основном ночевали в ригах. Люди опасались этой семьи. Потом перебрались в

Липецк, жили во времянках. Отец любил историю, пел в церковном хоре и каждый день читал Библию. Его арестовали в мае 1937-го, расстреляли 12.08.1937. Но это узнали гораздо позже, а тогда не знали ничего. В 1939 году арестовали мать, отправили по этапу в Тайшет. Она умерла в лагере. Старший брат, которого арестовали вместе с матерью, отсидел на Чукотке 10 лет. Сестры Анастасия и Мария отбыли срок в Челябинской области. Младших сестер отправили в детдом.

Липецк немцы во время войны особо не бомбили, потому что там было много немцев (переселенцев с екатерининских времен). Сбрасывали листовки с надписью: «Липецк я не трону — мой дед тут шапку забыл!» Разбомбили автовокзал, в 7 километрах от города на узловой станции Грязи всё расколотили. Девушки просились на фронт. Пелагея тоже просилась, но ее не взяли как дочь врага народа. Арестовали Пелагею Федоровну 08.12.1943 г. и 05.08.1944 г. осудили по статье 58-10, 11 как дочь врага народа, на 5 лет отправили на Колыму. Сначала в п. Спорный, где она работала в автосборочном цехе (ремонтировали «студебеккеры»), а потом в п. Сусуман. Там работала в совхозе, где выращивали продукты для приисков и детдома. После освобождения (08.11.1948 г.) была направлена в ссылку в той же Магаданской области, где пробыла до 18 мая 1954 г., потом — в г. Енисейск Красноярского края. (Дополнительные подробности о жизни этой семьи, выясненные А. Бабием, «Новая» [публиковала](#) в № 41 за 2017 год.)

Остатки семьи Фарафоновых в Липецке. Три сестры были в лагере, одна — в спецдетдоме. Фото: архив Красноярского Мемориала

Шлейнинг Александр Яковлевич. Фото: архив Красноярского Мемориала

- **Рассказывает Александр Яковлевич Шлейнинг 1935 г.р.**

Жили в Поволжье, Энгельсский район Саратовской области. В сентябре 1941 г. семью депортировали. Деревню окружили солдаты, объявили сутки на сборы. Скот отводили в школьную ограду, там выдавали расписку. Обещали выдать на месте поселения такой же скот. (Действительно, выдали в Красноярском крае; правда, корова оказалась бракованная, текла кровью, но хоть немного молока давала). Все, что взяли с собой, погрузили на телеги и на верблюдах, быках, лошадях

повезли до узкоколейки. Вещей взяли немного. Везли в телячьих вагонах. В вагоне главное было — найти угол.

Когда ехали в поезде, никто не умер. Мама взяла ведро котлет (зарезали быка), сверху налила жиру, и котлеты не портились. Ехали неделю. В Галанино выгрузили 40–50 семей. Следующую партию выгрузили в Зотино. Уже пробрасывал снежок, это было необычно для тех, кто всю жизнь прожил на Волге. Плакали, задавались вопросом: куда нас привезли? Местные брали их по домам. Зиму перезимовали, потом стали рыть землянки. Материала было полно. Старшего брата сразу забрали в трудармию, среднего отправили на курсы трактористов (для трудармии он был слишком молод). Дядю тоже отправили в трудармию, и его там убили: подсунули под подушку булку хлеба, заключенные стали делать обыск и нашли, а дядю забили до смерти.

Носить было нечего, и Саша в апреле бегал босиком в школу. В навоз вставал и грелся — ноги от холода горели огнем. За пять минут добежал. Тетрадок не было, писали на бланках, которые были в колхозе. Кое-как окончил два класса, мать не настаивала на продолжении учебы, так как условия были плохие. Учился потом в ФЗУ, там давали обмундирование, питание.

Политическая алгебра

Из [блога](#) Бабия, запись от 27 декабря 2017 года (тогда в вялотекущих спорах внутри коллективной памяти, а точнее, того, что находится на ее месте, шло какое-то очередное обострение): «Да что там Украина. Один Красноярский край за

один год, с августа 1937-го по ноябрь 1938-го, дал столько же казненных, что и все США за 400 лет. У нас по кулацкой операции 12 000 расстрелянных и 4000 по нацоперациям. За один год, напомню.

Ну чё, земляки, сделали мы америкосов?»

Насчет США: цифры в [исследованиях](#), досье Espy, возможно, неполны и не без погрешностей, но [общая картина](#) ясна, и она действительно такова.

Однако «массовость» отныне — не определяющая характеристика сталинских репрессий.

Массовость или единичность, точечность чего-либо — категории оценочные. Оценки показывают либо прячут катастрофу. Обратимся к документам — переписям 1959, 1937 и 1926 годов. На примере Красноярского края (хотя как административная единица он образован только в 1934 году, в [переписи](#) 1937-го указаны переоформленные [цифры](#) и за год 26-й).

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СССР
ОТДЕЛ ПЕРЕПИСИ

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

И $\frac{179}{15}$

1926 ГОДА

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Графа	Строка	Напечатано	Должно быть	Страница	Графа	Строка	Напечатано	Должно быть
4	Заголовок	23 снизу	XI	IX	213	13	10 сверху	—	29
4	Заголовок	31 »	XII	IX	213	15	9 »	29	—
4	Заголовок	32 »	VI	VII	213	15	10 »	—	29
5	43	12 »	1	—	223	13	5 снизу	—	3

Том 23 переписи 1926 года, Сибирский край и Бурято-Монгольская АССР. Фото: static.statmuseum.ru

Итак, за 11 лет, с 1926-го по 1937-й — тяжелейшие годы коллективизации, голода (да и аборт запретили только в середине 1936-го), край вырос на 128,8 %: было 1 420 286, стало 1 828 746. Плюс 408 тысяч.

Подневольные строители коммунизма шли в переписях 1937 и 1939 года как контингент «В», и он причислялся к населению краев/областей/республик: «содержащиеся в тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцы, проживавшие в зоне, трудпоселках ГУЛАГ НКВД; воспитанники трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудколоний для несовершеннолетних НКВД СССР». Однако переписные листы по контингенту «В» из тех мест, где он был наиболее многочисленным, перераспределялись в другие регионы. Механизмы приписок известны, свидетельства сохранились. Кроме того, к контингенту «В» относили не всех трудпоселенцев, а лишь числившихся за ГУЛАГом.

Отсюда, вероятно, и такие популяционные взрывы (даже несмотря на приписки в ту и иную сторону), как в

Красноярском крае.

Вот еще более яркий пример: население Хакасии, входившей тогда в состав Красноярского края, но выведенное из его цифр отдельной строкой, в 1937-м **составило** по отношению к переписи 1926-го 204,2 %. Более чем удвоилось: было 115 643, стало 236 186.

Поразительно, но стремительные темпы красноярского популяционного роста сохранились и далее. По **переписи** 1959 года здесь уже 2 615 098. Это после Сталина, после войны, возвращения на родину латышей, эстонцев и литовцев (репатриантов), после всех амнистий, включая ворошиловско-бериевскую. Но сколько народу осело здесь, сколько было еще ссыльных... За 22 тяжелейших года край прирос почти на 800 тысяч человек.

Не цифры — мечта начальства.

Но главный вопрос — какова доля подвергнутых репрессиям в этой демографической сказке? Откуда в реальности здесь взялся народ? Как Хакасия за две пятилетки удвоилась?

По данным из красноярских РУ ФСБ, ГУ МВД, прокуратуры, краевого суда, госархива, Центра хранения и изучения документов новейшей истории, жертв репрессий в крае при Сталине было не меньше 1 миллиона. Красноярский «Мемориал» с конца 80-х завален пудовыми списками, он их оцифровал, но работа продолжается, каждый с ее результатами может **ознакомиться**, это не запрещено. По 58-й статье расстреляно 18 000 человек, а заключенных по данной статье и трудармейцев было не менее 400 000 — таковы оценки Алексея Бабия. На спецпоселении — не менее 550 000, и учтены лишь подававшие заявления на справку о реабилитации.

1 миллион душ только в Красноярском крае — это что, массовое или нет?

Каждый второй-третий в этой земле или на этой земле — а край больше всей Западной Европы, четыре Франции или 10 Англий — был репрессированным.

Надо, наверное, полужирным и подчеркнуть: этот красноярский (только!) миллион взят «мемориальцами» не с потолка, это сведенные данные, полученные из госорганов. И еще одно: ведь понятно, почему из Большого террора изображают элитные разборки, а не народную беду — каждый второй не бывает комиссаром, губернатором, министром или генералом.

Бабий **говорит** о неполноте цифр красноярского «Мемориала»: карточки на депортированных и раскулаченных в административном порядке (а не на осужденных уголовно) заводились не на одного человека, а на семью; имена ряда репрессированных не вошли в хакасскую Книгу памяти, а значит, и в красноярскую; «за бортом» остались архивы Новосибирского и Иркутского управлений ФСБ, тогда как ряд красноярских дел — там (край образовали в 1934-м, но не все дела передали); фонд Р-2056 госархива (Военная прокуратура 94-й стрелковой дивизии, г. Красноярск; 2000 дел) рассекретили в начале 90-х, однако вскоре вновь закрыли, и «остается ощущение довольно большой лакуны».

Отличные калоши

В традициях народа-богоносца — особое отношение к отчим

могилам. Тем более братским. И вот есть этот красноярский миллион. Есть тысячи расстрелянных. И что? Никто не забыт, ничто не забыто? Все-таки уже 72-й год идет со смерти Сталина, скоро 40 лет будет перестройке и гласности. Быть может, в Красноярске памятник появился? Появился. Только не замученным соотечественникам. Каким бы умопомрачением это ни отдавало, но именно в каторжном Красноярском крае минувшим летом **воздвигли** первый в России официальный ростовой памятник Сталину.

Памятник Сталину в Курейке. Фото: администрация Туруханского района Красноярского края

Александр Кузнецов (Управление Минкультуры РФ по Сибирскому федокругу) не так давно **раскрыл**: в Красноярском крае в 1960–1990-е годы взяты под охрану государства все известные места захоронений сторонников советской власти, павших от рук контрреволюционеров и белогвардейцев, более

100 братских могил партизан и жителей, убитых колчаковцами либо интервентами, однако в реестр охраняемых памятников занесен только один памятник, связанный с политическим произволом советского государства, — стальной католический крест высотой в 5,5 м, поставленный литовцами в Ревучем (Нижнеингашский район) в 1989 году своим соотечественникам. Все остальные кресты, камни, памятные доски, мемориальные знаки и постройки, появившиеся в дальнейшем, за 35 лет, жертвам сталинских репрессий на расстрельных полигонах, на островах лагерей и т.д. не внесены даже в список «выявленных памятников истории и культуры».

Завтра их снесут — и всё окажется вполне законно. И справедливо, и в духе «новых веяний». И вероятно, региональные власти удостоятся одобрительного поста от Дмитрия Медведева.

Когда он подписывал в качестве премьера в 2015-м [концепцию](#), планировал сделать за пятилетку:

- мемориализацию, то есть формирование и развитие в местах массовых захоронений жертв политических репрессий памятных мест, увековечивающих их память (этот пункт в третьем разделе «Основные направления деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий» теперь в новой [концепции](#) за подписью Михаила Мишустина исключен);
- археологические работы по выявлению мест массовых захоронений жертв политических репрессий (этот пункт исключен также);
- обеспечение доступа к архивным материалам с учетом требований законодательства РФ (тоже вычеркнули).

Хорошо, сейчас госполитику поправили. Но что было сделано за отведенные пять лет, в 2015–2019-м? Это ведь не «пятая колонна», государство постановило.

30 октября, 2015 года. Красноярск, музцентр. Площадь Мира. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Что с «красноярскими Куропатами», как называли эту северо-восточную окраину краевого центра сами горожане (во второй половине 80-х)? Сходство с Минском, однако, закончилось только географической привязкой (урочище тоже располагается на северо-востоке) и «духом места» (расстрелами) — не было в Красноярске ни следствия после поднятия останков с дырками в черепах, ни госкомиссий, ничего не было, что положено по закону. И не было народного мемориала — сотен крестов по периметру, **позже снесенных** по приказу Лукашенко: «Пора заканчивать эту валтузню на костях».

До 1937 года в Красноярске расстреливали в тюрьме — СИЗО-1 на улице Республики. И — с перерывами — до середины 90-х, до моратория на смертную казнь, в последние десятилетия продолжая свозить приговоренных из всех окрестных городов, с территории, превышающей Евросоюз, из Иркутска и

Новосибирска.

Управлялись там до Большого террора и после. Трупы вывозили на городские кладбища.

Когда стали расстреливать по 100–200 человек в день, возникла нужда в полигоне за городом, где можно было вырыть большие траншеи. А то и приводить приговоры в исполнение прямо там. Нашли у деревни Коркино.

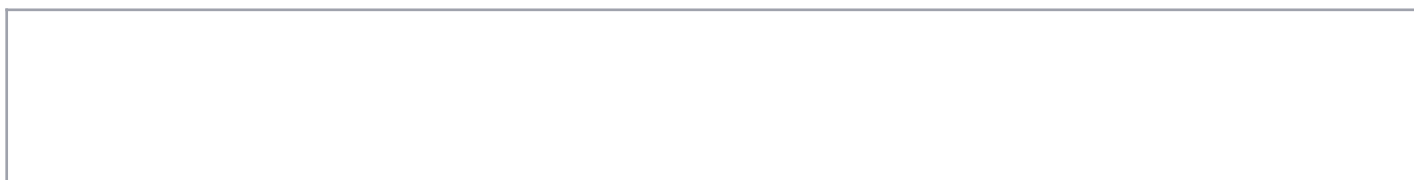

Красноярский алюминиевый завод построен на расстрельном полигоне. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В пространстве между КраЗом и тремя колониями корейцы возносят хвалу Великому товарищу Ким Чен Ыну. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Позже на этом месте воздвигли Красноярский алюминиевый завод (КраАЗ, сейчас — АО «Русал Красноярск») и в его **зоне отчуждения** еще кучу всего: офисы, автосалоны, три колонии и учебный центр ФСИН, теплицы, поля, где вкалывают мигранты из Средней Азии и Северной Кореи (судя по надписям на заборах), медицинские учреждения, общежития, самый большой в Сибири спортивно-оздоровительный комплекс «Сокол», одна из лучших в Сибири детско-юношеская спортивная школа по конному спорту «Кентавр». Вся эта земля в санитарно-защитной зоне КраЗа — в ведении красноярской мэрии.

**Сообщение «мемориальцам» В. Биргеру и А. Агапову в
Песчанке (рядом с Коркино) от анонима, сейчас
проживающего в Красноярске, 9.04.1989:**

«В июле 1965 года (ему было 20 лет) он присутствовал при вскрытии захоронения на склоне, на конце Коркина. Скелеты вывезли в неизвестном направлении на трех МАЗах с верхом. Он помнит калоши «Красный треугольник», справки, деньги. Одежда в основном гражданская, много женщин, детей не видел. По обе стороны рва еще осталось много трупов. Что-то упоминал о прокладке телефонного кабеля. Сказал, что знает старушек, которые видели, как сжигали одежду убитых, но боится».

Из сообщений жителей Коркина (ныне снесена, жители переселены в микрорайон Красноярска — Северный) «мемориальцам» (А. Агапов, А. Бабий, И. Бабий, В. Биргер, М. Глебова, В. Штаркер) 26–28 ноября 1988 года:

- «Работал шофером, участвовал во вскрытии захоронений возле Коркина на территории КраЗа. Видел среди трупов мужчину в ботфортах, женщину в обуви фирмы «Скороход» [...] В кармане у одного обнаружили квиток прачечный на белье». (Н. Кутицкий)
- «Галоши, сапоги, кости лежали как попало. Видел две ямы, где были останки с 37–38-го годов. Были кошельки. В кошельках были красные тридцатки, трешки истлевшие, монеты. Потом приехало 4 самосвала, а экскаваторщик сказал: «Я копать не буду». Потом приехало начальство, ну и стали экскаватором грузить в самосвалы черепа в шапках, кожаные фуражки тоже целые были, и все эти кости». (Иван, тракторист совхоза, Советская, 30)
- «Тридцатки, калоши «Скороход», хромовая куртка в могилах. По всей видимости, весь косогор в могилах. В Индустриальном (поселок, где жили строители КраЗа. — А. Т.) работал в милиции Гугин Василий Иосифович, он принимал участие в раскопках. Зять его в литейке на КраЗе работает». (И. Милостин)
- «Мы в город ходили по горе, потому что внизу шахты стали проваливаться, и бросалось в глаза: вечером или днем идем — ничего нет, утром идем — холмик. Откуда

взялся? Они всё делали ночью! Потом всё заросло — и всё. Тут наверху части стояли. Люди думали, солдаты учатся. И обходили мы их, хоть и дорога подлиннее. Ходили каждую неделю пешком в город (2 часа). Там наверху и ездили, а внизу много ям было, шахты проваливались. Вот когда стали строиться, то раскопали, а там сложены были трупы, сапоги, косточки — и всё рядами, рядами. Дети бегали туда, но милиция не подпускала. Про документы и фамилии трупов ничего не могу сказать». (Н. Черепанова)

- «Раскопку помню. Сама не ходила, не смотрела, а сын видел. Там было много людей, и дети были среди них, и у всех затылок был прострелен. В затылок стреляли, закопали — и всё. Никаких расследований. Я слыхала, когда выстрелы были в 37–38-м годах. Стали мы про это говорить меж собой, потом пришли и одну забрали. Потом она вернулась и прикусила язык, ни слова об этом больше не говорила. Так они рот затыкали. А деверь, зампреда колхоза Андрей Иванович Черепанов, раз по пашне едет, видит народ. Смотрит, внутри копают, а снаружи вокруг них бойцы стоят и его не подпускают. Назавтра к этому же месту подъехал — а там зарытая могила и сожженная одежда тех, похороненных. Сами копали — которых расстреливали. А пашни тогда были подальше от берега, за военными частями. А церковь закрыл председатель Еремеев еще до войны, все иконы ободрал и сдох. И жена его сдохла. А когда раскопали первое захоронение, рядом с Сапкаловым, то ни в газеты не сообщили, ни расследования не начали. Закопали — и всё!» (А. Черепанова)

От деревни Коркино осталось лишь кладбище. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Из [сообщения](#) красноярскому «Мемориалу» Арнольда Ерыкалина:

«Я работал на ВЦ КраЗа. На пустыре над деревней Коркино была ложбина, и по ней рыли ямы под блоки первой очереди очистных сооружений. Экскаватор копнул всего два или три раза. Вначале шел примерно метровый слой глины, потом сантиметров сорок был чернозем, под ним вновь глина. В слое чернозема находилось много костей, черепа были даже с волосами. Я видел сапоги яловые, комсоставовские. На пустырь мы больше не ходили, яму эту зарыли и изменили направление. Примерно в этом месте сейчас находится больница, спортзал, бассейн. Кто-то мне говорил, что старики и старухи из Коркино в 30-е годы слышали там выстрелы, там шли расстрелы. Также говорили, что в

яме видели остатки кожаной куртки, в каких ходили комиссары и политработники, но сам я этого не видел».

Часть свидетельств «мемориальцы» в 1990 году передали в красноярское УКГБ для выявления мест массовых захоронений.

«Вам показалось» — таков был смысл ответов УКГБ — УМБР — УФСК — УФСБ. А родственники расстрелянных приходят именно сюда по недоразумению.

Бабий, кстати, готов поверить, что и тогда в УКГБ, и тем более сейчас в УФСБ не знают ничего о расстрельных рвах под КраЗом и рядом. Все подобные полигоны в СССР были наглухо засекречены. Когда Большой террор закончился, их топографические привязки ушли в Москву, на местах не осталось вообще ничего. И если бы во второй половине 50-х в УКГБ о полигоне знали, завод, скорее, подвинули бы, не дали раскапывать.

Однако вот ведь в чем дело. Куда-то останки перевезли и снова закопали. Куда? Об этом чекисты — на дворе стояла хрущевская оттепель — не могли не знать. И второе. Прокуратура должна была по факту обнаружения массового захоронения завести дело. Если его не было, то по фактам многочисленных публикаций конца 80-х, как это произошло в том же Минске. Да и «Мемориал» прямо обращался в прокуратуру, писал.

Где дело? Где экспертизы?

История — это цепь преступлений, одно за другим, и каждое предпринимается для того,

чтобы исправить или прикрыть предыдущее.

Вид на КраЗ от колоний. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Что дело тем более не возбудят сейчас, тоже ясно. Хотя именно сейчас на КраЗе снова копают, **обещая снести** 60-летней давности корпуса с отработавшим свое оборудованием (технологии более чем вековой давности) и поставить корпуса с новым, более щадящим город, его экологию оборудованием (обещанным Красноярску еще коммунистами в СССР, но тогда они переоборудовать завод до конца не успели).

Кстати, все это время существовали, сменяя друг друга, приказы Генпрокуратуры о тонкостях работы ведомства по надзору за исполнением закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Например, в пока действующей редакции **сказано:**

«...предоставлять органам власти имеющиеся материалы для проведения работы по увековечению памяти жертв политических репрессий. Активно освещать в средствах массовой информации деятельность органов прокуратуры по восстановлению прав жертв политических репрессий». Отлично же.

Сейчас в связи с изменением госполитики «увековечивания памяти жертв политрепрессий» генпрокурор Краснов подготовил [проект изменений](#). В нем немало захватывающего — в частности, те самые строки звучат уже в следующей редакции: «...предоставлять органам власти материалы по проведению работы по восстановлению исторической справедливости и прав жертв политических репрессий, не допуская оправдания пособников нацистов и изменников Родины. Освещать в средствах массовой информации деятельность органов прокуратуры, основанную на конституционном принципе обеспечения защиты исторической правды, закреплённом в части 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации».

Почувствуйте разницу. Помимо прочего, об «увековечивании памяти» — уже ничего.

Зато можно гадать, почему восстанавливать следует историческую справедливость, а защищать — историческую же правду, в чем их различия от просто справедливости и правды. И почему потребовалось говорить отдельно о недопущении оправдания пособников нацистов и изменников Родины.

Из [письма](#) в «Красноярский рабочий» фронтовика, инвалида Николая Рыжкова, 1989 год:

«Я работал на экскаваторе на промбазе «Красноярскalumинстроя». Пришлось рыть траншею под очистные сооружения. На траншее работало 4 или 5 экскаваторов в 400–500 метрах друг от друга. Место могу указать: направо от дороги на КраЗ, напротив автобазы, до самой Песчанки. И вот там нам все время встречались могилы. То один экскаватор наткнется, то другой. В этих могилах было не по одному, а по несколько десятков, а то и сотен трупов. Это нас особенно поразило. Попадались куски женских дох, сгнивших кожаных сапог, кожаные куртки и много галош. Когда встречались такие могилы, нас отстраняли от работы, приезжали милиция и какие-то гражданские лица, грузили эти трупы в машины и увозили неизвестно куда».

Из сообщения Лилии Вороновой, работавшей на строительстве КраЗа диспетчером:

«В 1959-м по левой стороне строящейся дороги, примерно за 100 м от нынешней столовой КраЗа (фабрики-кухни), под слоем земли в 20–30 см вскрыто захоронение (сейчас это место под асфальтом). На следующий день присланные солдаты сложили кости в несколько длинных ящичков и увезли в неизвестное место. Сохранились остатки одежды, зимней не было. Одежда серо-зеленая (хаки), позеленевшие пуговицы — вероятно, латунные, форменные, от гимнастеров. Были (по крайней мере, в одном случае) остатки цветной

материи, видимо, от женской одежды, найден гребень. На одном (по крайней мере) черепе слежавшиеся длинные волосы — видимо, женские. Найдены были также детские вещи: игрушка, красные сандалии, по размеру соответствующие возрасту 2–4 лет. Найдена женская обувь на высоком каблуке».

На КраЗе, копая котлованы, еще не раз вскрывали захоронения, это длилось и длилось. Адреса — под какими корпусами, зданиями, складами — известны.

Проклятие Красноярска

В электролизных цехах КраЗа работяги — в валенках, робах, респираторах — периодически берут в руки осиновые колы. Четырехметровые. Завод их специально и централизованно заготавливает. Тут еще их называют гасильными шестами. Ими электролизники тушат анодные вспышки (эффекты, пузыри): когда завершит автоматика, надо успеть за две минуты пробить ломом корку электролита и ввести деревянный шест под анод. Против газов, изолирующих анод, ничего лучше осинового кола нет.

Выглядит это как борьба с поднимающимися отсюда демонами. Обратная сторона Красноярска.

У народа-богоносца огромная, многослойная культура обращения с памятью, погостами, братскими могилами. И не хочу сказать, что непогребенные (как надо) мстят, нет. Никакой мистики, никакой готики, вампиров или зомби. Все дело, разумеется, лишь в той катастрофе, что разразилась в нашей коллективной памяти, в тех персональных переживаниях, что

испытывают внуки, видя, как до сих пор обращаются с их дедами. Или не испытывают. Да, дело и в этом тоже — это ведь что надо сделать с собой? Такое бесследно не проходит. Это мертвецам свойственно лежать молча, а не живым. Ну и овощи, салаты из овощей молчат.

Это мертвецам придавливают веки пятаками, чтобы глаза не открылись. Живые — как могут не видеть?

И над Красноярском довлеет, нависает проклятие. У него четкая географическая привязка. Это протяженное, пахнущее кислотой и огнем пространство на северо-востоке — дрожит, чавкает, пузырится, идет рябью, это мощнейшие электромагнитные поля — останавливают часы, выводят из строя электронику.

Леонид Голованов с фотографией родителей. 30 октября, 2015 года. Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Кто-то скажет: это всего лишь КрАЗ, обычные заводские дела. Это точка сбора прибыли с Сибири. Это пузырятся и смердят деньги.

Ну да, а самое мощное в России оргпреступное сообщество (оценка МВД), что в 90-е **заваливало город** трупами, тоже началось отсюда не как следствие проклятия, а всего лишь больших денег, что давал завод, денег шальных, прущих, как сорная трава, денег как дурнины.

И экологическая катастрофа — Красноярск **дышит** лишь при сильном западном ветре, лишь осенью и в апреле-мае, дышит, грубо говоря, только по вторникам — это тоже не проклятие, а лишь кешбэк нам от бизнеса, это наращивание при Путине алюминиевых мощностей и угольной генерации.

КрАЗ. Фото: Александр Кузнецов — для Новой

Весь поток городских бед, все эти опускающиеся на город трудовой доблести с его северо-востока беззаконие, хаос, смерть я сам могу вполне рационально объяснить. Но не получается — в голове те красные сандалии. И женские туфли на высоком каблуке. И те советские галоши. И комсоставовские сапоги. Здесь только это и сохраняется идеально.

Есть только то, что сделано. Тысячи убитых — есть. Потому что их убили. Гекатомба. Закопаны как собаки. Потому что так закопали. Не отпеты, крест не поставлен. Потому что не отпели и не поставили.

В Красноярском крае при Сталине был миллион репрессированных. Но расстрельных полигонов и рвов нет. Они

застроены. И власти не признают, что они тут были. Для них Бога нет, а Сталин есть всегда.

В Красноярске нет памятника жертвам сталинских репрессий. Заложен лишь более чем скромный Камень памяти. Не камень — камушек. Рядом с бывшим филиалом музея Ленина. Город ждал и не дождался официального раскрытия тайн и мемориализации расстрельного полигона.

Памятный камень в Красноярске и это — всё. На огромный остров ГУЛАГа. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Алексей Бабий, продолжающий титаническую работу по оцифровыванию коллективной памяти, возвращению имен и помещению их в облачные хранилища (чтобы уж точно отсюда до них не дотянулись, чтобы могли только читать и помнить, но руками не трогали), сказал мне сейчас по поводу памятника на КраЗе:

— Мы пытались. Но официально это не получалось, потому что органы не подтверждают, а неофициальный памятник тут же снесут «по закону». Что касается новой концепции исторической памяти. Вот правда: некогда это всё читать, не буду тратить время. Уверен, что эта концепция хуже предыдущей просто по определению, но она, скорее всего, лишь формально утверждает фактическое положение дел. В Красноярске в прошлом году сорвали мероприятия в государственно утвержденный день 30 октября, которые должны были проводиться государственными учреждениями на государственные деньги, в том числе возложение венка от администрации края. И что, тогдашняя концепция этому помешала? Предела совершенству нет, впереди нас ждет еще не одна концепция. Пока не дойдем до такой, что никаких политических репрессий вообще не было. Но все это не имеет уже никакого значения. Мало ли какие концепции принимались на «Титанике»...

Стыд/страх. Снова

Как так получилось, что никому здесь не известный бизнесмен почему-то из Воронежа ставит на енисейском берегу в Курейке памятник Сталину, а видный миллиардер Роман Абрамович, у которого дед, депортированный из Литвы, погиб в Краслаге, молчит? В 2000 году Абрамович имел самое прямое отношение к КраЗу и расстрельным рвам под ним: купил и его, и Красноярскую ГЭС и еще кучу всего, — правда, только для того, чтоб отдать все Дерипаске. «Там каждые три дня кого-то убивали, мне такой бизнес был не нужен». Ну так что, своему бывшему партнеру не подсказать, что люди делают в такой ситуации? Пусть не государство — почему бизнесу не поставить там, в этом проклятом месте, крест?

Ермаково, Красноярский край, 2009 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Весь российский бизнес, каким бы крупным он ни был, делает то, что хочет власть. И все же. Не расстреляют ведь. Где Потанин, чьи капиталы произрастают из «оцифрованных» (с нашитыми номерами) телогреек, чьи яхты и бизнесджеты выплавлены из зэковских жил? Может, стоит в Ермаково поставить памятник? Ну, раз рядом, в Курейке, установили Сталина? Ведь заполярную **железную дорогу** Салехард — Игарка (секретная стройка 501/503, «Сталинка», «Пятьсот веселая», «Дорога в никуда», «Мертвая дорога», «Трасса смерти») зэчье тянуло и для Норильска, на него предполагалось ответвление.

Хотя, конечно, чего цепляться к бизнесу. Даже если он качает прибыль на бывшем расстрельном полигоне. Так досталось, it's just business.

Алексей Бабий. На втором плане Владимир Сиротинин. Фото: архив красноярского Мемориала

Послушайте, что говорил мне еще в 1997 году первый председатель красноярского «Мемориала» Владимир Сиротинин, предшественник на этом посту Алексея Бабия.

— Народ у нас, как я понял, к гибели своих соотечественников равнодушен. Интерес жив лишь в семьях репрессированных. Но эти люди не привыкли высовываться, они прожили тяжелую жизнь изгоев. Не только под прессом государства, но и общественного мнения. Через нас проходят тысячи людей — ведем прием посетителей девятый год. Нет дня, чтобы кто-то не пришел, иногда помногу, а о том, что мы ведем такой прием, почти никто не знает. И они тихо уходят, даже если мы не можем помочь. А так бывает часто. [...] Произошел сбой чуть не на генном уровне. Смерть для нас стала столь рядовым явлением, что она должным образом не почитается, не поминается. У меня была возможность видеть, как относятся к

своим погибшим в Красноярском крае прибалты. Ездили, находили могилы, ухаживали, кто находил родных — перевозили останки. А у нас даже места массовых захоронений не названы. Если бы краевые управления ФСБ и МВД захотели этого, они нашли бы все документы. У них они есть.

Карта захоронений хранится в архиве УВД. Хотя нам и говорят, что ее нет, ее видели. Нам известно, что массовые захоронения жертв политических репрессий совершались в районе КраЗа. И там нет ничего, даже памятного камня.

«Сбой чуть не на генном уровне». Сиротинин был точен.

С 2017 года, по свидетельству Алексея Бабия, к нему пошли запросы на удаление информации о репрессированных родственниках с сайта «Мемориала». «Говоришь им: наоборот, видите, указано, что человек реабилитирован, то есть его честное имя восстановлено. Но люди уже этого опять стыдятся. Или уже этого боятся».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Memento — шоры](#)

В России уточнили каноны государственной исторической памяти: советские репрессии не были «массовыми», а амнистии политзеков дали свободу «бандеровцам»

14:21, 2 сентября 2024, Борис Вишневский*